

Елена Никифорова

Yifat Gutman. Memory Activism: Reimagining the Past for the Future in Israel-Palestine. Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 2017. 200 pp. ISBN 9780826521330.

Елена Никифорова, Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. elenik@cisr.ru.

Механизмы производства и сохранения памяти в обществах, переживших этнонациональные конфликты, – важная тема современных исследований памяти, и случай современного Израиля здесь особенно показателен. С одной стороны, эта страна – преемник и государственный собственник памяти о Холокосте – является катализатором масштабного процесса создания памяти о Второй мировой войне, влиятельным актором мирового морального и мемориального порядка. С другой – это государство, формальное появление на свет которого в 1948 году было сопряжено с глубоким этнонациональным конфликтом еврейской и арабской общин, и по сей день раздирающим страну и формирующим основание для одного из важных идеологических разделов современного мира. В том, насколько серьезной остается эта проблема, мы все имели возможность убедиться весной 2021 года во время взаимных бомбардировок Израиля и палестинских территорий.

В свете недавних событий исследование Йифат Гутман (Yifat Gutman) «Активизм памяти: Воображая заново прошлое в интересах будущего Израиля и Палестины» воспринимается особенно актуальным. В его фокусе – память палестинского меньшинства Израиля о событиях 1948 года, известных в арабском мире как аль-Накба, или Катастрофа, и деятельность ряда активистских организаций Израиля по вопросу восстановления, сохранения и распространения этой памяти. Гутман называет данную деятельность «memory activism», «активизм памяти».

До 1917 года на протяжении четырех веков территории современного Израиля были частью Палестины в составе Османской империи. По итогам Первой мировой войны решение Лиги Наций закрепило Палестину в качестве подмандатной территории Великобритании. В 1947 году ООН, ставшая преемником Лиги Наций, выступила с рекомендациями о разделе подмандатной Палестины на арабское и израильское государства, что вызвало волну жестоких столкновений между арабской и израильской общинами Палестины; подписание же Декларации ООН о независимости Израиля в мае 1948 года спровоцировало полномасштабную войну с участием армий пяти соседних арабских государств, протестующих против создания израильского государства. Так начался фундаментальный для Ближнего Востока и всего мира арабо-израильский конфликт, продолжающийся по сей день.

Несмотря на огромные потери, в начале 1949 года Израиль вышел из войны победителем, захватив обширные палестинские территории. Для палестинцев победа Израиля обернулась трагедией – с ноября 1947 года до начала 1949 года почти 85% палестинского населения, около 770 тысяч человек, были выселены с

земель, ставших государством Израиль. В пантеоне памяти палестинцев масштабное выселение 1948 года известно как al-Nakba, что в переводе с арабского означает «катастрофа», «исход»; есть у катастрофы и конкретная дата – 15 мая, – ставшая для палестинцев днем скорби. 14 мая 1948 года (или 5 ияра 5078 года по еврейскому календарю) была провозглашена независимость Израиля, и с тех пор в день 5 ияра (и в соответствующую плавающую дату грегорианского календаря) в Израиле отмечается День независимости, главный национальный праздник. Таким образом, память о войне 1948 года конструируется в еврейском и палестинском сообществах Израиля через зеркальные нарративы: 15 мая, в день Накбы, палестинцы скорбят по утраченному сообществу, вспоминают лишения и переселение, а в День независимости, часто выпадающий на смежные даты, Израиль празднует победу в войне и рождение государства.

Являясь ключевым местом памяти и основанием идентичности палестинцев Израиля, диаспоры и всего арабского мира, аль-Накба на протяжении нескольких десятилетий оставалась фигурой умолчания в Израиле. Коллективная память об этом событии, частные воспоминания палестинцев о своей прежней жизни и прочие возможные свидетельства контрпамяти существовали за пределами доминантного нарратива. Замалчивание палестинской трагедии и невозможность даже попыток проработать неудобную память в израильских реалиях были следствиями постоянной нестабильности арабо-израильских отношений, подававших надежду на урегулирование после соглашений в Осло 1993 года, но резко ухудшившихся после убийства премьер-министра Израиля Ицхака Рабина еврейским религиозным фундаменталистом в 1995 году и серии палестинских терактов в начале 2000-х. С эскалацией палестино-израильского конфликта обнулились как сами соглашения в Осло, так и все, что им предшествовало (в частности, ориентиры в политике примирения). Ориентация на прагматическое разрешение конфликта сменилась требованиями справедливости и признания исторической ответственности Израиля за страдания палестинцев; прежние стратегии примирения (встречи лицом к лицу в бинациональных группах под патронажем европейских и американских организаций) были признаны несостоятельными. Строительство стены на западном берегу реки Иордан в 2002 году окончательно похоронило былые надежды на сближение, и обе стороны конфликта стали требовать признания собственных исторических прав на самоопределение на территории Израиля. Кроме того, произошел дискурсивный сдвиг в понимании точки отсчета палестино-израильского конфликта, требующего разрешения: если в преддверии соглашений в Осло речь шла о Шестидневной войне 1967 года, закончившейся оккупацией Израилем сектора Газа и западного берега реки Иордан, то к концу 2000-х фокус сместился на события 1948 года. Основанием для обращения к событиям 1948 года стали появившиеся с конца 1970-х годов ревизионистские труды новых израильских историков и критических социологов, получивших образование на Западе и опирающихся в своих исследованиях на открывшиеся архивы. Этот дискурсивный сдвиг имел фундаментальное значение, поскольку если последствия Шестидневной войны (оккупацию) теоретически можно было устранить, то акцент на событиях 1948 года ставил под вопрос легитимность образования самого израильского государства.

Так память о Накбе, палестинской катастрофе, выросла до масштабов еще одной стены в символическом ландшафте современного Израиля, маркирующей границу официальной памяти (читай – государственности Израиля) и взрывоопасной памяти меньшинства. Признанием того, что эта память взрывоопасна, стало принятие в 2011 году закона о Накбе, предполагающего наказания за действия, рассматриваемые как отрицание существования Израиля как еврейского и демократического государства, а также запрещающего отмечать День независимости как День скорби.

Исследование Йифат Гутман посвящено деятельности общественных организаций Израиля по преодолению и пересечению границы между двумя общинами через обращение к коллективной памяти палестинского меньшинства и конкретно – к Накбе. Это описание отражает суть происходящего, однако не показывает напряженность исторического момента, в который происходит действие книги. Представим себе: перед нами Израиль в первую декаду текущего тысячелетия, все предыдущие усилия по примирению пошли прахом, отношения между двумя общинами напряжены как никогда, и в это время в стране ведут работу общественные организации (часть из которых – еврейские), озабоченные вопросами сохранения и распространения опальной памяти меньшинства. Что движет этими активистами? Каковы их методы? Каковы задачи? Опираясь на исследования социальных движений, памяти и исследования мира и конфликта, а также на корпус исследований израильско-палестинского конфликта, Гутман представляет читателю новую версию социального активизма – *memory activism*. В современной политике, отмечает Гутман, воцарился принцип «политики сожаления», согласно которому для получения легитимности на международной арене от государств ожидается проработка темных страниц своего прошлого и признание фактов жестокого обращения с разными группами своего или другого государств. На этой волне смены общественных и политических ориентиров с масштабного видения будущего к примирению с трудным прошлым изменились и социальный активизм, и, в частности, миротворческие инициативы. Одним из воплощений миротворческого активизма в нынешних исторических условиях стал *memory activism* – общественная деятельность, для построения лучшего настоящего и будущего поставившая во главу угла работу с проблемным прошлым и трудной исторической памятью.

Книгу открывает обширное введение, представляющее центральное понятие исследования – активизм памяти – и увязывающее воедино все его пласты, от истории конфликта двух общин в Израиле и релевантных для данного случая понятий в исследованиях памяти до обзора стратегий примирения в постконфликтных обществах. Основная часть книги состоит из пяти глав. Действие первых трех разворачивается в локальном/национальном масштабе – здесь исследовательница анализирует деятельность трех активистских организаций в контексте политики территориальности и памяти в государстве Израиль. В четвертой и пятой главах случай Израиля сопоставляется с другими странами и международным опытом применения инструментов проработки трудного прошлого – законов об исторической памяти, а также комиссий правды и примирения. В заключении, по своему

жанру и настроению звучащему как эпилог, Гутман подводит итоги как собственно своего исследования, выполненного в 2000-х и первой половине 2010-х годов, так и определенного этапа политики и практики памяти в Израиле, завершившегося принятием закона о Накбе в 2011 году.

В фокусе внимания первой главы – деятельность активистской организации «Зохрот» (что в переводе с иврита означает «мы помним» в женском роде множественного числа) – самой крупной организации в Израиле, занимающейся сохранением палестинской памяти и, что нужно подчеркнуть особо, распространением этой памяти среди еврейского большинства. В качестве одного из направлений своей деятельности организация выбрала работу с физическим пространством бывших палестинских поселений. Активисты «Зохрота» – в большинстве своем израильтяне еврейского происхождения – организуют туры в места, где до 1948 года были палестинские деревни; целевой группой туров являются израильтяне-евреи. В местности, куда приезжает группа, множество ухоженных дорожек с указателями, однако все сворачивают на неприметную тропинку. В зарослях, где, казалось, и не ступала нога человека, вдруг обнаруживаются следы ушедшей жизни, безмолвные безымянные руины, которые оживают и начинают рассказывать свою историю благодаря присутствию бывшего жителя деревни. Этот человек – палестинский беженец, покинувший эту землю после 1948 года и вынужденно связавший свою судьбу с другим государством. Его символическое возвращение в эти места создает особый эмоциональный настрой. На помощь рассказчику и его истории в реконструкции палестинского прошлого приходят и другие практики: материализация ушедшей жизни через маркирование пространства – установку знаков с названиями деревень, создание буклетов с маршрутами туров и описанием палестинских поселений. Подготовленная к путешествию меморабилия, фотографии и прочие визуальные свидетельства также размещаются и в виртуальном пространстве.

В чем же особенность этой практики, о которой так выразительно рассказывает нам Гутман? В том, что для сохранения и распространения памяти мнемонического меньшинства – замалчиваемой и отмеченной тяжелой печатью так и не разрешенного конфликта – используются инструменты мнемонического большинства, еврейского населения, к тому же возведенные в статус обязательных в рамках государственных образовательных программ. Как напоминает нам сама автор, в системе национального образования Израиля пешие походы и поездки на природу играют огромную роль. Романтизация и национализация природы и осознание важности воспроизводства связи с природой и пространством как плотью государства характерны, вероятно, для всех без исключения государств, однако история возникновения Израиля и фундаментальная роль вопроса о земле в его становлении делает этот случай особенным в общем ряду. Обретение земли безземельным еврейским народом являлось голубой мечтой еврейских идеологов задолго до оформления сионизма, однако ее практическая реализация началась с развитием сионистского движения и, в частности, с учреждением в 1901 году Еврейского национального фонда, поставившего перед собой задачу приобретения (фактически – покупки) и освоения земель для расселения еврейского народа. Для понимания глубинной связи с землей и территорией еврейского населения я

приведу один, но очень говорящий факт: одним из самых успешных проектов фонда был, как мы теперь это можем назвать, краудфандинг – во многих еврейских домохозяйствах (источники называют число около миллиона) были так называемые голубые копилки для сбора денег на покупку земли, что обеспечивало личное участие всех желающих в обретении территории для будущего государства (Бейдер и Ясинов 2008). После 1948 года Еврейский национальный фонд широко развернул свою деятельность, укореняя еврейский народ на новой земле через практики культивации, озеленения, особые стратегии заселения и прочие формы освоения и присвоения территории, включая пеший туризм.

В израильской политике нациестроительства укрепление связи с землей еврейским большинством шло рука об руку с разрушением этой связи у палестинского меньшинства. Выселение и переселение палестинцев, стирание с лица земли деревень, выхолащивание палестинских общин городов вкупе с запретом на перемещения палестинцев в первые десятилетия израильской государственности – все эти меры и память о них формируют эмоциональное основание для туров в бывшие палестинские поселения сегодня. Реконструируя исторические подоплеку связи с землей евреев и палестинцев, исследовательница добавляет нюансы в эту картину и представляет нам две группы палестинцев – беженцев, покинувших Израиль и приезжающих на старые места в рамках визитов возвращения (return visits), требующих особой организации и по-особому эмоционально нагруженных, и тех палестинцев, которые остались в Израиле и имели возможность регулярно наведываться в родные места с пикником или прогулкой. Мы осознаем, что эмоциональные связи с оставленной землей конструируются в этих случаях по-разному, отличаясь, в свою очередь, от принятого способа прочувствования и узнавания земли в доминантном еврейском контексте. «Индекс земли» (the index of the land) еврейского большинства, как называет это автор, носит научный характер и опирается на ботанические, исторические и культурные знания о местной флоре, в отличие от «палестинского индекса», в основе которого лежит телесный и чувственный опыт, всплывающий из прошлого благодаря возвращению на родную землю – и в прошлое. На этом разрыве/связи двух индексов восприятия пространства замешивается сценарий тура как иммерсивного действия, где каждое движение палестинца-беженца, будь то пауза в речи и уход в воспоминания или остановка на маршруте, чтобы подобрать дикий фрукт или растереть в руках и понюхать растение, чтобы после рассказать еще одну экспрессию о своей жизни, становится частью локальной (и глобальной) драмы, чувственно проживаемой совместно палестинским свидетелем и участниками тура израильянами-евреями. Представитель еврейского подхода, также участвующий в туре, вносит свою лепту, прочитывая эту землю с позиции ботанического разнообразия и дополняя тур другими принятыми практиками, вроде приготовления кофе на костре или дегустации местных растений (с отсылкой к научному знанию – информации в справочнике).

Задачу сохранения палестинской повседневной культуры и ее территориализации решают и активисты другой заметной организации – «Автобиография города» («The Autobiography of a City»), о которой подробно рассказывается во второй главе. Местом действия «Автобиографии» является Яффо, до 1948 года бывший много-

конфессиональным и мультинациональным городом, в котором арабское население составляло доминирующее большинство. «Автобиография города» тоже реконструирует палестинскую жизнь в пространстве, однако делает это с использованием современных цифровых технологий: участники группы – главным образом художники, работающие с фото и видео, и сами представители еврейского большинства – записывают видеосвидетельства палестинских жителей Яффо о городской жизни до 1948 года и собирают их онлайн в форме архива. И в этом случае, как и в случае с турами, имеют место присвоение и субверсия метода – на этот раз метода видеосвидетельствования, ставшего каноничным в арсенале еврейского мнемонического большинства для фиксации памяти о Холокосте. Исследовательница анализирует применение этого метода «Автобиографией» и показывает, как канон трансформируется и адаптируется под свои задачи художниками-активистами. Например, согласно законам жанра записи свидетельств выживших в Холокосте, рассказчика снимают в комфортной обстановке своего дома, с мягким светом; фигура интервьюера при этом вынесена из кадра и все внимание зрителя приковано к свидетельству и его монологу. Оставляя в качестве сцены приватное пространство дома или двора, «Автобиография города» вводит интервьюера в кадр, переопределяя ситуацию из монолога в диалог, в беседу, реконструируя таким образом некогда бытующую в Яффо, а ныне ушедшую палестинскую традицию обмена историями в нарративной либо песенной форме за чашкой чая или кофе в публичных пространствах города. Однако видеозапись воспроизводит традицию лишь отчасти – пространство, где происходит запись, остается приватным, как сложилось в каноне, поскольку публичных мест, где палестинцы собирались и рассказывали друг другу истории, больше не существует. И именно виртуальный архив становится местом сборки палестинского сообщества, разрушенного войной и рассеявшегося по Яффо, а также инструментом, позволяющим палестинцам рассказать свою историю. «Автобиография», таким образом, глокализует коллективную память, работая, с одной стороны, с глобально принятым форматом видеосвидетельств выживших, а с другой – заземляя этот формат в локальной арабской традиции сторителлинга. Способ организации архива и поиска тоже неслучаен: у пользователей архива есть возможность выстраивать цепочки и разнообразные конstellляции воспоминаний, конструирующие места с разных сторон и задействующие разные жанры материалов (большинство материалов – записи частных свидетельств, однако есть в архиве и художественные работы, и документальные фильмы). Этот прием работает не только на реконструкцию замолченной памяти, но и на критику производства памяти в целом, демонстрируя, что нет одной истории о прошлом, а есть их множество, а также указывая на, по сути, произвольность авторитетного архивного знания.

В отличие от «Зохрота» и «Автобиографии города», участники которых в большинстве своем являются представителями еврейского сообщества Израиля и позиционированы как бы внутри доминантного памятного пространства, третья группа активистов, «Баладна», представляет собой пример палестинского активизма. «Баладна» (в переводе с арабского – «наша Родина») – это всепалестинская молодежная организация, целью которой является образование и расширение прав и возможностей арабской палестинской молодежи в Израиле. В конце

1990-х – начале 2000-х годов на фоне нового витка напряженности в арабо-израильских отношениях и укрепления израильской линии по отчуждению палестинской памяти и истории (например, исключения палестинской истории из школьной программы) в среде палестинских интеллектуалов и политиков наметился сдвиг в видении будущего палестинцев в Израиле. Маргинализованные и исключенные из израильской общественной жизни, разуверившиеся в возможности равноправного мультикультурного сосуществования двух общин, некоторые палестинские лидеры выдвинули требования политической и культурной автономии палестинцев в Израиле. Память о войне 1948 года и Накбе стала точкой отсчета, политическим и культурным основанием этого движения. «Баладна», основанная бывшим членом партии «Балад», одной из застрельщиц движения за автономию, также возникла на этой волне. В арсенале организации те же методы, что и у еврейского большинства и организаций, описанных выше; кроме того, «Баладна» проводит образовательные программы и тренинги будущих лидеров сообщества широкого спектра. Что интересно в этой главе? Интересны – и узнаваемы российским читателем – рефлексии на тему (не)политического со стороны маргинализируемого меньшинства, реконструируемые автором со слов активистов «Баладны». Так, активисты позиционируют свою деятельность как неполитическую, поскольку не участвуют в борьбе за память на стороне политических партий, не используют политические методы (демонстрации и протесты), делая упор на образование, работу с сообществом и искусство, при этом понимая, что у всего этого есть трансформирующий политический потенциал. Активное дистанцирование от политики и акцентуация культуры становятся залогом деятельности организации, скользящей по тонкому льду палестинской памяти в израильском контексте. Кроме того, в этой главе поднимается вопрос о пространстве в новом, палестинском, разрешении, проливающим свет на то, как непросто строить коллективную память народа без государства, без архива, в ситуации разрозненных свидетельств, коллективной травмы потери территории и сообщества и долгих лет запугивания, отучивших людей говорить, заставивших забыть, обнулить это прошлое. Интересен также и фактор третьего поколения палестинцев – носителей памятей разных систем координат, государственной и частной, и вышедших сейчас на арену палестино-израильского противостояния памятей, с концепцией Накбы как центрального места памяти.

Итак, в первых трех главах пересекаются и наслаиваются друг на друга разные субъектные позиции акторов, практики сохранения памяти, тело, природа, канон и субверсия, чувственность и академическое знание, *fiction* и *documentary*, пространство физическое и виртуальное, прошлое и будущее. Интересно, что по мере продвижения по тексту меняются не только перспективы работающих с памятью активистов – меняется и авторская оптика, переключаясь с антропологического плотного описания первых двух глав на более отстраненный генерализующий социологический подход в главе о «Баладне». Исследовательница объясняет, почему это так: ее собственная позициональность как израильтянки еврейского происхождения наложила ряд ограничений на исследование палестинской организации. В четвертой и пятой главах книги масштаб повествования окончательно

меняется с локального на глобальный, и на место антрополога памяти и эмоций словно заступает специалист в области права и разрешения конфликтов. Здесь мы видим анализ закона о Накбе в сопоставлении с законами об исторической памяти в России и Франции, а также анализ деятельности активистов с позиций существующих стратегий примирения в постконфликтных обществах. Автор, в частности, описывает международную модель правды и примирения (*truth and reconciliation*), изначально разработанную для проработки травматичного прошлого апартеида в Южной Африке. Модель предполагает три стадии: распространение знания о происходящих в стране жестоких событиях, признание обществом этих событий и ответственность общества. Сопоставляя случай палестинской памяти в Израиле с этой моделью, Гутман дает оценку итогам деятельности активистских организаций в Израиле. Первая стадия – распространение знания – оказалась пройдена, и службу этому сослужило принятие закона о Накбе, зафиксировавшее это знание в публичном дискурсе, но – увы! – в репрессивном ключе. Сам факт принятия подобного закона указывает на то, что общественного признания конфликтного прошлого как второго шага, необходимого для примирения, не произошло. Работает ли модель правды и примирения в Израиле? Вероятно, нет, поскольку участие государства в процессе примирения необходимо, а ни одна из трех организаций не вписывает государство в свои стратегии, после принятия закона о Накбе простившись с иллюзиями по поводу возможности признания этой памяти официальным Израилем.

В исследовании подчеркивается, что в ситуации, когда пространство общественной дискуссии избирательно и ограничено, недискурсивные аспекты культурных практик – перформативный, телесный, визуальный и материальный – и полученный таким образом опыт становятся критически важными для распространения новой общественной повестки. Так, в плотном описании тура перед нами открывается яркий случай освоения и примирения конфликтных памятей через телесные практики и разделенный пространственный опыт. Используемый метод напоминает метод «*going alone*», предполагающий прогулку исследователя с информантом, однако здесь мы имеем дело с анализом группового путешествия и тщательной контекстуализацией субъектных (мемориальных) позиций всех участников тура *vis-à-vis* физического пространства, которое становится отдельным актантом этого действия. Встреча и путешествие представителей разных меморических сообществ предстает иммерсивной *site-specific* драмой, сценой для которой служит земля, для кого-то утраченная, для кого-то обретенная. Обращающий большое внимание на эмоциональную составляющую и в прямом смысле заземленный авторский подход позволяет нам прочувствовать и прожить эту память и этот разрыв – и этот подход хочется взять на заметку. Эмпирическая оптика, собирающая воедино место, память и тур как особую практику показала мне перспективной для применения в исследованиях других локаций, хранящих разные памяти, – например, в российско-финском приграничье, бытие которого также отмечено травмой утраты своей и сложностями обретения чужой территории, или в Калининграде/Кенигсберге, не говоря уже о тех местах постсоветского пространства, где и сегодня тлеют межнациональные конфликты.

Из условных недостатков обращает на себя внимание отсутствие недискурсивных способов передачи информации собственно в самой книге, а именно – отсутствие карт, фотографий и прочих визуальных материалов, привычных и даже ожидаемых в труде, имеющем дело с пространством и памятью. Единственная небольшая уступка в этом смысле – фотографии на обложке книги, намекающие на руины палестинского селения. Явилось ли это опущение следствием издательской политики или автор намеренно отказалась от визуального, сделав ставку на плотное текстовое описание, остается только гадать. В одном из интервью Мария Степанова, автор известной книги «Памяти памяти», комментируя отсутствие фотографий в своем труде, размышляет о погрешностях визуального в передаче ощущения времени и дистанции против историчности и выразительности текстовых свидетельств (Аркус 2017). В нашем случае исследовательнице тоже удалось передать визуальное и чувственное памяти словами и тем самым очевидно увлечь и вовлечь читателя: в моем случае знакомство с книгой вылилось в самостоятельное исследование прошлого и настоящего Израиля с привлечением разных медиа – как текстовых, так и визуальных. Я надеюсь, что и для других читателей книга станет началом большого путешествия в сложный мир современного Израиля, и рекомендую ее к прочтению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркус, Любовь. 2017. «Дом с привидениями – разговор с Марией Степановой». *Сеанс*, 20 декабря. <https://seance.ru/articles/haunted-house-stepanova/>.
- Бейдер, Владимир и Игаль Ясинов. 2008. *Еврейский феномен*. Иерусалим: Еврейский национальный фонд «Керен кайемент ле-Израэль».